

Текст · 28 мая 2019, 10:56

«Это абсурд совершеннейший». Дмитрий Пчелинцев о том, как игры в страйкбол обернулись обвинением в создании «террористического сообщества»

— Я совершенно из обвинительного заключения не почерпнул, какие конкретно мои действия могут квалифицироваться по статье 205.4^[1], поэтому я не имею представления, от чего мне защищаться. В трех эпизодах моей якобы преступной деятельности существует 50 «неустановленных обстоятельств», слово «террористический», «террористическое» и прочие слова с таким корнем употребляются 268 раз, что даже чаще, чем предлог «с» и союз «а». То есть это вода, которая необходима для того, чтобы не дать мне возможности защищаться.

— Что вам известно о межрегиональном террористическом сообществе под условным наименованием «Сеть», которое якобы объединило анархистов из различных регионов Российской Федерации? — уточняет адвокат Олег Зайцев.

— Насколько мне известно, такого сообщества никогда не существовало, его придумали сотрудники ФСБ. Слово «сеть» очень распространено, оно напоминает и социальную сеть, и сеть ресторанов, и что угодно. Скорее всего, взяли и назвали так меня и других присутствующих, чтобы подчеркнуть, что существует несколько организаций, но самого

сообщества такого не существовало, и я в нем не состоял.

— Что вам известно о боевых группах, ставящих своей целью насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, осуществление террористической деятельности, имеете ли вы к этому какое-либо отношение?

— Ничего о боевых группах мне не известно, отношения я к этому не имею. Террористическую деятельность я осуждаю в самых строгих терминах и отношусь настолько плохо, насколько это возможно, и считаю Конституцию [самым] замечательным документом, который когда-либо был создан человеком.

<...> Мне вменяют детальную разработку всех этих преступлений, вооруженного мятежа, захвата власти, посягательства на жизнь и прочее, но если бы это не было фантазией следователя, то мне бы, кроме прочего, еще предъявили и часть 1 статьи 30 УК ^[2]по всем этим статьям. Но поскольку такого нет, очевидно, что это просто фантазия следователя.

— Скажите, вы лично или кто-либо из ваших знакомых создавал на территории Пензенской области боевую группу, террористическое сообщество «5.11» (или «5 ноября»), и известно ли вам, кто возглавлял это сообщество?

— 5 ноября — сообщество, которое называется «Артподготовкой», которое возглавлял Вячеслав Мальцев, никакого отношения я к нему не имею,

поскольку у нас противоположные по смыслу взгляды. Те являются неонацистами, мы — против нацизма, фашизма и прочего. Такое название использовалось в страйкболе, я объясню.

Я играл в том числе в [клубе] *Extreme play* в страйкбол, там всегда делятся на две команды — черные и зеленые. Но там присутствуют в том числе неонацисты и националисты, я не хотел с ними играть, выбирал, чтобы там не было их. Там, где играл я, названия команд, которые определялись ситуационно, носили условный характер, например — «красные» против «белых»: у «красных» — звезда, у «белых» — крест, и вот они играют между собой, просто легенда. Естественно, люди, которые играют за «белых», не являются монархистами. Те люди, которые в команде со звездой, могут не являться большевиками. Также эта игра была — «антифашисты» против «неонацистов», это просто легенда. И по этой легенде «антифашисты» носили условное название «Восход», это было просто легендой, «националисты» носили условное название «5 ноября».

В чем ФСБ обвиняет Дмитрия Пчелинцева

Уголовное дело о «террористическом сообществе "Сеть"» было возбуждено ФСБ в октябре 2017 года. Тогда в течение месяца в Пензе задержали Егора Зорина, Илью Шакурского, Василия Куксова, Дмитрия Пчелинцева, Андрея Чернова и Армана Сагынбаева (последнего силовики нашли в Петербурге и этапировали в Пензу). Двое пензенцев — Максим Иванкин и Михаил Кульков

— были объявлены в розыск, в июле 2018 года их задержали в Москве.

В январе 2018 года в Петербурге по тому же делу были задержаны Виктор Филинков и Игорь Шишкин. 11 апреля обвинения предъявили еще одному петербуржцу — Юлию Бояршинову. Большинство фигурантов дела — антифашисты и анархисты; многих задержанных объединяет и увлечение страйкболом.

В ФСБ утверждают, что участники «Сети» собирались «раскачать народные массы для дальнейшей дестабилизации политической обстановки в стране», устроив теракты во время президентских выборов и чемпионата мира по футболу в 2018 году. По мнению силовиков, ячейки организации действовали в Москве, Петербурге, Пензе и Белоруссии.

27-летнему Дмитрию Пчелинцеву предъявлены обвинения в создании «террористического сообщества» (часть 1 статьи 205.4 УК), незаконном хранении оружия (часть 1 статьи 222 УК) и покушении на поджог военкомата (часть 3 статьи 30 и часть 2 статьи 167 УК).

«Медиазона» кратко пересказывала версию следствия и обвинения, предъявленные другим подсудимым из Пензы.

— Что вам известно о неустановленном следствием лице с позывным Тимофей? Были ли вы с ним знакомы, поясните, когда познакомились?

— Я виделся с этим человеком, может быть, раз три или четыре в жизни. Наши встречи носили спонтанный характер, мы никогда не договаривались,

не дружили, не общались. Это просто обычный молодой человек из нашей антиавторитарной среды, ничего толком о нем сказать не могу, потому что мы с ним не шибко знакомы. Виделись на концертах, в походах каких-то, просто в тусовках.

Но когда меня допрашивали 1 ноября 2017 года, этот Тимофей, собственно, появился, потому что первый опрос у меня был оперативниками ФСБ, и они сказали, что... Меня били за три дня до этого, били током и сказали: все подписывай, я согласился все подписывать. И тогда они сказали: поскольку ты сотрудничаешь, мы тебе дадим вторую часть^[3], но тебе нужно кому-нибудь сделать первую. Кому ты ее сделаешь?

Вот есть у вас такой Тимофей, он активный, давай на него показания. Я сказал: хорошо, и просто Тимофей был добавлен в дело, чтобы обосновать, что якобы где-то какой-то лидер существовал.

Пчелинцев говорит, не поддерживал с этим юношей никакой связи и с осени 2016 года видел его всего раза три. Среднего телосложения, чуть ниже Пчелинцева, «короткие волосы, щетина у него темная», — описывает он Тимофея, чья личность, согласно материалам дела, не установлена, а расследование в отношении него выделено в отдельное производство.

— Разрабатывали ли вы роли для лиц, с которыми тренировались и играли в страйкбол, исходя из их умственных, психологических, физических способностей, определяли ли их компетенцию и были ли у вас такие полномочия?

— Во-первых, с подсудимыми мы общались так мало, что я был не в курсе их умственных способностей. Во-вторых, всегда общение происходит на равных, полномочий ни у кого нет, а что касается ролей, то роли распределялись по методу «камень-ножницы-бумага».

— Осуществляли общее руководство сообществом или просто какой-то группой людей?

— Как я уже сказал, в антиавторитарной среде не может быть никакой иерархии, никакого руководства, она горизонтальна, там просто не может быть такого, что кто-то будет выше другого, у кого-то будут какие-то полномочия над кем-то, кто-то кому-то будет что-то приказывать. Для этого существуют даже инструменты, чтобы не подавлять тех, кто больше молчит, и не поощрять тех, кто больше говорит.

Нам вменяют, что у нас якобы сообщество якобы анархистского толка. Но суть в том, что я анархистом не являюсь, но тем не менее являюсь антиавторитарием. Иерархию я считаю рудиментом и никаким образом не могу быть лидером сообщества анархистского толка, потому что если у сообщества есть лидер, то оно не анархистское, а если анархистское — то у него нет лидера.

— Если вы говорите об антиавторитарной среде, расскажите пару слов, что это вообще?

— Ну вот есть у нас музыка, хардкор. Вокруг этой музыки есть определенная сцена, это люди, которые ходят на концерты, они также устраивают

множество других мероприятий, например — раздачу еды бездомным, бесплатные ярмарки, фестивали благотворительные, помощь детским домам, все что угодно. Люди в этой среде часто являются веганами или вегетарианцами, никто не приемлет иерархию, никаких лидеров быть не может. В движении много антифашистов.

Пчелинцев комментирует утверждения из обвинительного заключения о том, что он проводил «разведку местности» перед полевыми выходами и собраниями, «разработку способов подготовки к совершению преступлений», «обучение навыкам ведения боевых действий» и изготовления взрывных устройств и зажигательных смесей. Ничего подобного, настаивает подсудимый, он не делал — не проводил инструктаж «о приемах и методах конспирации», не составлял документов о «целях и задачах террористического сообщества».

По его словам, в антиавторитарной среде многие используют псевдонимы из-за опасности нападений со стороны нацистов. «Слово "позывные", кстати говоря, было внедрено следователем». Сам Пчелинцев, когда выступал как музыкант, использовал имя Антон — свой «сценический псевдоним».

— В обвинении много говорится о съезде, о «Своде», что вы можете сказать об этом?

— Давайте по поводу этого я дам показания, когда мы будем исследовать доказательства.

<...>

— Имели ли вы или кто-либо из ваших знакомых планы нападения на сотрудников правоохранительных органов, конкретно на посты ДПС, военнослужащих, здания полиции, склады с вооружением, военные комиссариаты, офисы партии «Единая Россия», государственные учреждения?

— Нет, у меня таких планов точно не было, и не хочется думать, что у кого-то из моих знакомых были такие планы. Это обвинение является полнейшим абсурдом — как поможет захватить власть нападение на пост ДПС?

— Были ли у вас или ваших знакомых планы, а также возможность дестабилизации деятельности органов государственной власти Российской Федерации, воздействие на принятие ими решений и насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации?

— Нет, просто банально — как я, даже всемером с кем-нибудь могу вообще на что-либо повлиять? ИГИЛ, там их миллиард людей, они воюют там и совершенно толку никакого от этого нет. Идиотизм, они едут туда просто умирать, это полный бред. Это совершенно противоположно моей идеологии, я презираю подобные вещи и считаю, что просто у меня не было возможности влиять не только из-за численности и из-за того, что я в здравом уме еще нахожусь, а также потому что у меня не было вообще такой необходимости. На какие, например, решения власти я могу попытаться оказать воздействие?

Это абсурд, в материалах уголовного дела тоже ничего об этом нет определенного — потому что

это взять просто неоткуда. Даже если следователь придумал бы, как бы это написать, он не смог бы это подогнать под реальность, потому что реальность этому противоположна.

<...>

— Вы назначали второго руководителя, отвечающего за общее руководство сообществом, руководителя структурного подразделения, подгруппы «Восход»?

— Естественно, не назначал, поскольку, как я уже сказал, все эти сообщества были придуманы сотрудниками ФСБ. Но очень интересный вопрос, каким образом вот сотрудники ФСБ вышли первым делом еще за полгода до возбуждения уголовного дела именно вот на двух руководителей суперзаконспирированной ячейки — то есть, по идее, на людей, на которых они должны были выйти в последнюю очередь.

Ответ на это прост: они ни на кого не выходили, они просто выбрали нас, что мы будем руководителями и теми людьми, которых они будут привлекать по терроризму, потому что им точно надо было делать терроризм — давно в Пензе ничего не происходит и им надо как-то оправдывать свою работу и зарплату.

Отвечая на вопросы адвоката, Пчелинцев говорит, что, по его мнению, силовики объявили его лидером «террористического сообщества», поскольку он служил в армии, и у него было пять единиц зарегистрированного оружия. «В конце концов, меня знает полстраны, потому что я музыкант — выступаю во всех городах, поэтому выбор пал на меня в том числе. Я — лучшая цель».

— Что вы можете сказать о распространении, изучении и обсуждении идеологической литературы анархистской направленности, оправдывающей совершение преступлений террористической направленности?

— Я вообще никогда не обсуждал литературу анархистской направленности, идеологическую какую-то, я ее не читал никогда, тем более я ее не распространял, потому что у меня ее никогда не было.

— Тут говорится в обвинении об идеологии, у вас есть какая-нибудь идеология?

— Ну, я придерживаюсь гуманистических убеждений. Я считаю, что гуманизм и жизнь человека является высшей ценностью, и это является основой, я не думаю, что нужно куда-то глубже...

— Понятно, скажите, также в обвинении говорится, что вы специально использовали меры безопасности, позволяющие очень долгое время избегать разоблачения террористического сообщества со стороны правоохранительных органов и специальных служб. Можете рассказать об этих мерах безопасности?

— Во-первых, нечего было разоблачать. Якобы секретные программы, такие, как *Telegram*, есть в *Appstore* и *Google Play*, их можно скачать и пользоваться, это не говорит о том, что человек пользуется какими-то программами, чтобы конспирировать. Я считаю, это совершенный бред, потому что противоречит всему остальному, что есть: телефоном пользовался, машиной, жил по прописке.

Илья Шакурский. Фото: bbc.com

Пчелинцев отвечает на вопрос адвоката о знакомстве с другими обвиняемыми: с Ильей Шакурским знаком через общую подругу, тот ревновал Пчелинцева к ней, встречались на концертах и других мероприятиях, с середины 2015 года «никакого взаимодействия не осуществляли», виделись всего несколько раз и даже в спортзале не здоровались. С Андреем Черновым знаком с тех пор, как тот с братом стал заниматься организацией концертов и продаж билетов, с Максимом Иванкиным в 2016 году неоднократно вместе подрабатывали в ресторане, в 2017 практически не встречались.

«Пензенское дело» в Петербурге. День седьмой

Допрос Максима Иванкина, Армана Сагынбаева, Дмитрия Пчелинцева и Ильи Шакурского

С Арманом Сагынбаевым они знакомы с 2010 года: «Я приехал в Москву, поступил на учебу и в антифашистской

среде я встретил множество людей, в том числе Армана». Потом ушел в армию, после случайно встретились в Петербурге, куда Пчелинцев приехал выступать на концерте, потом Сагынбаев два–три раза приезжал в Пензу. Михаила Кулькова встречал пару раз как друга Иванкина, а Василия Куксова — «я в первый раз вижу».

Про Егора Зорина Пчелинцев говорит, что «о его существовании узнал, когда его задержали». С Игорем Шишкиным их в 2015 году познакомил Анатолий Уваров (он свидетель по делу), с которым тот развивал бренд одежды «Сила воли». Дома у Виктора Филинкова и его жены и старой подруги Пчелинцева Александры Аксеновой он останавливался однажды, а Юлия Бояршинова «вообще не знал».

— Как вы можете пояснить то, почему вы с этими людьми оказались на скамье подсудимых?

— Суть в том, что перед президентскими выборами сотрудникам УФСБ нужно было дело, чтобы доказать, что они работают. И вот они в Пензе якобы раскрыли, хотя на самом деле не раскрыли, а создали... и им нужно было показать масштабность, что они работу огромную провели якобы. <...> Потому что московские оперативники — они, может быть, порой тоже применяют недозволенные методы ведения следствия, но тем не менее у них хватило мозгов, чтобы не арестовывать людей, про которых даже не сфабриковать ничего. В Пензе арестовали — и знали, что никакой угрозы никто из нас не представляет. В Москве они провели обыски, поняли, что никакой угрозы никто не представляет, и всех отпустили. Если бы там не было мозгов у фээсбэшников, они бы и

в Москве сделали из кого попало [террористическое сообщество].

Пчелинцев говорит, что никогда не был «лидером» подобного сообщества, и критикует заказанную следствием психологическую экспертизу, в которой говорится о его и Шакурского «лидерских качествах».

— Скажите, а по поводу обвинения в хранении боеприпасов, гранат. Что вы можете по этому пункту обвинения пояснить?

— Я никакие запрещенные боеприпасы никогда не хранил. Мне они без надобности. Их обнаружили в автомобиле, в котором, во-первых, не было сигнализации, я этим автомобилем долго не пользовался, потому что он сломался. Сотрудники ФСБ положили мне эти гранаты, потому что они рассчитывали, что с утра я сяду в машину и поеду, и у меня гранаты будут при себе. Но машина не работала, они об этом не знали. Машину я не использовал около, наверное, недели, или, может быть, двух. Она находилась рядом с домом моей супруги. <...> Когда мы общались с [оперативником ФСБ] Шепелевым Вячеславом Геннадьевичем, он совершенно не стеснялся откровенных разговоров и говорил, мол, не печалься, не огорчайся на нас по поводу этого, тебе даже условку не дадут, а что так получилось, ну, у нас такие методы работы. Он говорил это, когда приходил ко мне в СИЗО практически сразу после ареста.

В конце концов, на этих гранатах никаких следов не обнаружено биологических, в том числе и моих, потому что они не могут быть там ниоткуда.

Пчелинцев рассказывает, как после задержания проходил обыск его машины в присутствии девушек-понятых. Перед этим его «повалили на землю и просто начали избивать ногами», затем надели наручники. После обыска в квартире, где шел ремонт, подсудимого вывели на улицу к его «приоре», и там под сиденьем «нашли эти две гранаты».

— Это было нужно для того, чтобы меня задержать, арестовать и посадить в СИЗО. А СИЗО им нужно было для чего? Чтобы пытаться меня электрическим током, чтобы я подписался. Никаких доказательств сотрудники не могли предъявить и сказать: «Смотри, у нас на тебя все есть, поэтому соглашайся сотрудничать». Таких доказательств у следствия не было и быть не могло. И меня поместили в СИЗО, чтобы пытаться электрическим током.

Адвокат Зайцев спрашивает об участии в походах или «полевых выходах», как это называет следствие, по мнению которого подобные тренировки в лесу были обязательны для членов «террористического сообщества».

— В общем-то, слово «полевой выход» было то, что придумано следователем. В армии его, конечно, использовали. Но после армии я его не слышал и не использовал никогда. Каких-то полевых выходов, мероприятий не называл. Это просто абсурд. <...> Он всех натаскал называть это «полевыми тренировками» и «полевыми выходами». Но ни одно из мероприятий не являлось ни тем, ни другим. Потому что там никакие навыки не тренировались, ничего такого не отрабатывалось. Когда мы были на месте, следователь подошел ко мне и сказал: «Дима, сейчас мы поедем туда, ты должен игру назвать

"тренировкой навыков, необходимых для совершения преступлений"». Я сказал: «Вы что? Я не смогу так. Вы меня простите, но я это произнести вслух не смогу».

Пчелинцев по датам разбирает разные «полевые выходы», перечисленные в тексте обвинения — это была просто игра в страйкбол, говорит он, в которой участвовало множество людей, так и не ставших обвиняемыми. Например, игру 1 мая 2015 года он снимал на видеокамеру: «Мне это было красиво, мне это было интересно».

— Мы собрались для того, чтобы потусоваться, у нас был сценарий и легенда: постапокалипсис, рядом психбольница для, так скажем, атмосферы, — говорит он о другой игре. — Мы ходили к этой психбольнице. Это был, как нам сказали, единственный день, когда вот эту психбольницу, вывозят пациентов погулять, наблюдали... Также мы ходили в лес, в который убегают часто эти пациенты. Мы тоже снимали видео, все это тоже было в рамках легенды об апокалипсисе, как будто весь мир сошел с ума. И, в том числе, мы снимали видео... Ну, не знаю, где — просто находимся в баре, в этом духе... Фотографировали. Ничего особенного совершенно там вообще не происходило.

По словам Пчелинцева, участие Шакурского в играх или встречах в лесу в 2016 году, о чем говорит следствие, «абсолютно исключено». «Я бы с Шакурским не пошел на мероприятие, просто потому, что у нас, ну, слишком разные... Как это называется, круги [общения]. Мы вроде как и из одной среды, но как-то из диаметрально противоположных сторон». Не участвовал он и в некоторых других из указанных следствием встреч.

— Я отвез ребят, они вышли, — говорит он об игре в страйкбол у заброшенного лагеря «Карасик» в январе 2017 года. — У них там своя игра, они тусуются, а я просто массовку создаю, как будто народу много. Но на самом деле там действительно было много народу. То, что там у нас было пять человек, это совершенная вообще глупость, потому что там было, как минимум, человек тридцать. То есть там везде был народ, была игра, все тусовались. Петарды, выстрелы, все что угодно там происходило, светошумовой эффект. Ну, атмосферность, все получили там удовольствие, адреналин там, не знаю.

На вопрос об упомянутой в обвинении встрече группы «5.11» в январе-феврале 2017 года Пчелинцев говорит, что «это абсурд совершеннейший» и он не помнит, чтобы встречался с кем-то из подсудимых в этот период.

Никакого собрания с проверкой боевой готовности. Это просто глупость. Если бы мне сказали конкретные даты, когда это было, я бы смог предоставить алиби. Но нет, это якобы было в январе-феврале. Что, это было в течение двух месяцев? Абсурд.

— Так. Расскажите, пожалуйста, о том, что якобы в феврале-марте 2017 года в Санкт-Петербурге вы участвовали в собрании, съезде каком-то... Что вы можете про это сказать?

— Ну, мне ничего неизвестно о мероприятии с названием «съезд». Все мероприятия, в которых я участие принимал, съездом точно не назывались. Более подробно я об этом хочу поговорить, когда будет исследование доказательств.

— Понятно. Скажите, согласно фабуле обвинения, вы около трех часов шести минут 23 февраля 2011 года прибыли в район военного комиссариата Октябрьского района города Пензы, где, скрытно подобравшись к зданию, зажгли «коктейль Молотова», после чего умышленно произвели его бросок в здание, что послужило источником возгорания горючей смеси. Что можете по поводу этого обвинения пояснить?

— Я очень много могу про это пояснить. Во-первых, в феврале 2011 года я не был в Пензе ни одного дня. Я в этот момент жил и учился в городе Москва. У меня была на последнем месяце беременная мама. И она уехала в Пензу рожать. И, поскольку мы с отцом были очень заняты на работе и на учебе, я вместе с отцом проживал в городе Москва. Собственно, пока мама находилась в Пензе, мы с отцом просто ждали, когда она уже, ну... чтобы сесть в машину и поехать. Это произошло 4 марта. Вот 4 марта мы сели с ним в машину и поехали в Пензу. Это был первый раз за очень долгое время, когда я оказался в Пензе. Соответственно, с 1 февраля по 23 февраля изготовить некие зажигательные средства я не мог.

<...> Почему я вообще обвиняюсь в этом? Потому что написал явку с повинной. Представляете, я написал явку с повинной в преступлении, которого не совершал. Вопрос: зачем я ее написал, почему я ее написал? Ответ на самом деле прост.

Потому что ко мне применяли физическое насилие, меня били электрическим током из динамо-машины и заставляли подписывать вообще все, что

угодно. Ко мне подошел сотрудник оперативного отдела Федеральной службы безопасности Шепелев Вячеслав Геннадьевич и сказал: «Дмитрий, щас смотри. Приедешь в СИЗО, к тебе придут опера, и тебе нужно будет дать им явку с повинной, что военкомат поджег».

Я просто удивился и говорю: «Что?». Он говорит: «Не пугайся, там уже сроки давности все вышли. Тебе за это ничего не будет, это просто палку закрыть». Он если бы мне просто сказал: «Подписывай», я бы подписал, я не знаю, зачем этот цирк нужен. И, собственно, когда я приехал в СИЗО, меня вызвал Рашид Рафикович Уразгалиев и, по-моему, два оперативника. Я дал им явку, в которой описал определенные обстоятельства. Я обстоятельства того дела знал очень плохо. В 2011 году у двухсот человек по этим обстоятельствам проходили обыски. Это вот все люди, неформально настроенные. Их всех обыскали, допросили, и меня в том числе. Поэтому у меня определенное видение и понимание того, что там произошло, было.

На тот момент это, естественно, не подтвердилось, потому что на тот момент у них была детализация, которая говорила, что я в этот момент находился в городе Москва. И поэтому меня отпустили — освободили и сказали забирай все, ну, типа не подтвердилась твоя причастность.

И в этой явке с повинной я указал просто первые попавшиеся обстоятельства. Во-первых, я написал, точнее продиктовал, что 23 февраля, примерно в 11 часов вечера я туда прибыл... Оказалось, что это было

на самом деле 23 февраля в три часа ночи, то есть практически за 20 часов до этого. Я не знал, в ночь на какое подожгли. Я просто так предположил, что подожгли в ночь с 23 на 24, а оказалось, что в ночь с 22 на 23. Плюс я привел совершенно там нелепые доводы о том, что со мной были какие-то люди, которых даже не допросили... Меня спросили, из чего была сделана эта смесь зажигательная, а я понятия не имею, из чего делаются зажигательные смеси. Я говорю: «А из чего их делают?» — «Ну, не знаю, горючие материалы». — Я говорю: «Ну, бензин там, солидол». Потом мы выяснили, что там таких ингредиентов не было.

И, собственно, самый важный момент, ну, не самый важный, просто это абсурд. Я слышал в 2011 году, что тот, кто военкомат этот якобы поджег, написал на стене «С 23 февраля». Я не знаю, может быть, надо мной пошутили так. Но просто я вспомнил эту деталь и указал. А оказалось, что этого не было. Что никто не писал «с 23 февраля», но там якобы бросили листовку какую-то. Не знаю, что там было в этой листовке. Саму листовку я не видел.

И, собственно, после того как я написал явку с повинной, ко мне пришел оперативный сотрудник [ФСБ] Шепелев Вячеслав Геннадьевич и другой оперативный сотрудник, который курирует ФСИН, Воронков Сергей Васильевич. Которые сказали мне: «Дима, ты дал очень плохую явку с повинной, давай ты новые объяснения давай. Для чего ты поджег военкомат?» — «Я не знаю, посмотреть, как красиво горит». Он говорит: «Так не пойдет. Ты поджег его для того, чтобы оказать воздействие для принятия решения органами власти. Запомнил?» — «На какие?»

— «У тебя надо спросить, на какие». — Я говорю: «Ну, пусть будет, что я протестовал против войны на Донбассе». — «Хорошо». — Пишет-пишет-пишет. Так: «Стоп, война через три года после этого началась!» — «Ну, я не знаю, пишите что хотите вообще».

Он написал. Я подписал. Потом этой штуки в деле не оказалось. Но я приехал на допрос, и когда меня спросили все-таки, в связи с чем ты поджег военкомат, я сказал: «Хотел посмотреть, как красиво горит». Потому что я понял, что им нужна моя явка с повинной для того, чтобы переквалифицировать на 205-ю статью и сделать этот поджог, который я якобы совершил — терактом. У которого нет срока давности. Чтобы просто увеличить себе звездочки на погонах, а мне увеличить срок.

Так вот. Дата, время, люди, о которых я говорю, надпись, которой не существовало, все, что написано в этой явке с повинной — не соответствует действительности. Я говорил это на следствии, но следователь ко мне, естественно, нисколько не прислушивался, потому что это в его обязанности не входит.

Дмитрий Пчелинцев. Фото Екатерины Герасимовой / 7x7-journal.ru

Пчелинцев говорит, что не знал, как делаются «коктейли Молотова», но пару раз они использовали бутылки с бензином для съемок клипа.

— Когда мы снимали клип, это просто совершенно является обычной вещью, тоже является частью антуража — мы заливали просто бензин в бутылки

и разбивали о стены: огонь, красиво горит, языки пламени. Красота, красота, сверкает ярко все. Ну, и безопасно. Все это красиво выглядит на видео. Вот единственная цель, для которой я когда-либо вообще делал бутылки с бензином, которые, в свою очередь, не являются зажигательной смесью, потому что там ничего не смешивается, там только бензин, [это] не является «коктейлем Молотова», потому что у него другой состав.

Он рассказывает, что видео, где молодые люди достают из ямы в земле какой-то ящик, сделано на одной из страйкбольных игр в мае 2015 года. Это постановочный кадр, на котором запечатлен не «схрон», а один из окопов, которыми изрыта вся площадка. Внутри ящика — страйкбольные приводы.

На другом видео, где Пчелинцев как будто выстреливает из какой-то трубы, не гранатомет, а обычная сантехническая труба из ПВХ, внутрь которой он положил фейерверк — им и стрелял, зарядив трубу обрезанным флаконом из-под лака для волос.

— Естественно, это не является настоящим гранатометом, потому что я поджигаю сначала фитиль. <...> Там очевидно, что это самодельное приспособление. Я выстреливаю, фейерверк вылетает за пределы кадра, разрывается, красивый свет, ну да, классно сделали, посмотрели видео, вроде неплохо. И вдруг увидели, как горит поле — побежали, затоптали горящее поле. Ну нельзя стрелять очень низко к земле. Затоптали, все потушили, слава богу, и вернулись. Давайте еще одно снимем, уже как раз сумерки были. И мы теперь стреляли уже вверх —

потому что если стрелять еще раз так же, то поле снова загорится.

[Следователь]Токарев же назвал это «стрельбой по наземному и по воздушному противнику». Но подоплека была только в том, чтобы поле не сгорело, и все (*смеется*).

— Что вас связывало с некоторыми из сидящих с вами на скамье подсудимых? <...>

— Мы выходцы из одной и той же антиавторитарной среды, но с диаметрально противоположных сторон. Поэтому немудрено, что мы не пересекались. В антиавторитарной среде существует множество мероприятий, которыми занимаются разные люди. В первую очередь это, конечно, концерты, которые объединяют большую часть молодежи в антиавторитарном движении.

Кроме концертов существует множество других направлений — социальная активность, то есть люди занимаются непосредственно помощью другим людям, так, в Москве существует антирейдерское движение, в котором участвуют такие же ребята из нашей среды. Они помогают жильцам защитить их от рейдеров, которые приходят и, там, с бейсбольными битами заставляют писать, чтобы те продали свои квартиры за десять рублей. Таких активистов существует множество.

Это, например, помощь обездоленным. Обязательно после фримаркета, если люди не забрали какую-то одежду, эта одежда отвозится во всевозможные дома для бездомных. Часто происходят выезды в

детские дома. Активисты собираются, устраивают праздники для детей, то есть работают фактически аниматорами, общаясь с ними.

«Принесите мне паяльник»

Друг арестованных по «пензенскому делу» рассказал, как сотрудники ФСБ выбивали из него показания на товарищей

Очень много вегетарианцев, веганов. Это связано с тем, что большинство [из нас] разделяет гуманизм, считает, что жизнь важна. Что жизнь нельзя отнимать не только у людей, но и у животных. Многие, в том числе я, считают, что нельзя убивать даже насекомых.

Очень большое количество людей принимает участие в экологическом движении. Я считаю это максимально важным аспектом. Сейчас мы знаем, что во многих городах Подмосковья происходят

мусорные бунты, люди, у которых под окнами [строят свалки для отходов], выходят целыми городами на улицу и просят уйти правительство в отставку. Возможно, это не самый демократичный метод, поэтому, чтобы такого не случилось, необходимо соблюдать закон изначально. Я боролся, чтобы мусор утилизировался правильно, чтобы соблюдались все ГОСТы, чтобы к этому подходили максимально осознанно. Я занимался тем, что вводил, например, во многих учреждениях, где учатся мои друзья, отдельный сбор мусора.

— Выразите свое отношение к терроризму, экстремизму, радикализму. Там много говорится, что вы анархист. Каким образом вы относитесь к этому?

— В антиавторитарной среде существует множество различных течений. В том числе это абсолютно аполитичные люди, это антифашисты, это экологи, зоозащитники. Очень много течений. И в этой среде все более-менее принимают взгляды друг друга. К экстремизму, радикализму, терроризму я отношусь негативно, осуждаю данную деятельность. Я бы не пошел никогда ни на что подобное. Идеологию, которой придерживается кто-либо из моих знакомых, я экстремистской не считаю, поскольку она не приносит вреда государству, людям или какой-либо социальной группе.

Пчелинцев комментирует отдельные формулировки из обвинения («Либертарная революция... Я не уверен, что этот термин вообще существует»).

— Попытка связать нас с Мальцевым связана с тем, что в тот момент арестовывали по всей стране

участников движения «Артподготовка». Хотели нас с ними связать. Потому что в Пензе никого не арестовали по «Артподготовке», а нужно же отчитаться.

Пчелинцев вспоминает, что при трудоустройстве в тир работодатель подавал запросы в правоохранительные органы; никаких вопросов и претензий к нему тогда не было. Он рассказывает, как после армии его позвали участвовать в строительстве тира, он судил соревнования по стрельбе, его уже должны были официально оформить на работу и отправить на инструкторские курсы в Москву, но этому помешало задержание.

— Расскажите о своем легальном гражданском оружии.

— У меня был самый первый, сразу после армии оформил, «Вепрь». В 2014 году, осенью. Я его оформил в лицензионно-разрешительном отделе, купил его в магазине «Охота» на Калинина, 4. Это ружье 12 калибра, гладкоствольное, «Вепрь» является самым распространенным для практической стрельбы. Кто-то использует и «Сайгу», но «Вепрь» считается лучшим для этих целей. Следом мне позвонил мой лицензионщик, и сказал, что есть возможность буквально за 500 рублей оформить себе травматический пистолет, нужно просто прийти, расписаться и купить. Я решил так и поступить, оформил себе, купил там с рук *Steel*. Долгое время они у меня были...

Всего пять [единиц оружия у меня было]. Вот эти два купил, потом через пару лет, уже когда поработал инструктором, решил приобрести «Сайгу»

для пулевой стрельбы, 410 калибра. Приобрел в марте 2017 года.

Тот пистолет *Steel*, он уже старый был, как оказалось, был неисправен. Я просто из него не стрелял толком, а чтобы проверить, нужно стрелять. Ну, и оказалось что он весь там раскручен, не работает. Я решил себе оформить другой. <...> Я выбрал себе пистолет Макарова травматический. Это было где-то в мае 2017 года. И в августе папа попросил переоформить на себя двуствольное 16 калибра ружье «ИЖ 58». Я переоформил его, никогда не пользовался. Отец был охотником всю жизнь. Но у него травма была, он уже не мог охотиться.

<...>

Я думаю, что уважаемый суд более-менее знает, что такое страйкбол. Теперь расскажу, что это значит с точки зрения антиавторитарной среды. Поскольку в большинстве игр с неограниченным числом участником принимают участие, как правило, и националисты, соответственно, для многих людей играть вместе с ними считается неэтичным как минимум. И в конце концов, во избежание всевозможных стычек, потому что националисты могут узнать кого-то из нас, сказать — я тебя знаю, ты там рэпер, я тебя видел на концерте, соответственно, чтобы такого избежать, проводятся какие-то альтернативные мероприятия.

На этих альтернативных мероприятиях действуют в том числе другие правила. Например, если есть команда, то обязательно, чтобы у этой команды был командир. Хотя для участия в соревнованиях

это часто очень важно. В антиавторитарной среде, естественно, командиров быть не может. Поэтому там все несколько иначе .

Роли, описанные в материалах дела, они, конечно, не соответствуют тому, что было на самом деле, потому что они все-таки являются выдумкой следователя, но на играх, тем не менее, были похожие роли. И на этих играх роли распределялись на «камень-ножницы-бумага». «Камень-ножницы-бумага» выбирала за него определенную роль. Он играл за эту роль. Игры такие назывались горизонтальным. Бывали игры по каким-либо сценариям, сюжетам, бывали не просто страйкбольные игры, а ролевые игры, бывали еще и квесты.

Пчелинцев объясняет подробности организации страйкбольных игр и различия в правилах и сценариях во время разных игр. В частности, описывает ролевую игру в римлян и иудеев; в этих играх «огромное количество людей принимали участие». Страйкбольный привод он продал в январе 2017 года, потому что перестал принимать участие в играх и после смерти бабушки «понял, что нужно уделить все время семье, нужно заниматься своим будущим, и с тех пор даже не вспоминал ни о чем подобном».

Отвечая на вопрос адвоката, он рассказывает о странных характеристиках от участкового, приложенных к материалам дела — такие есть почти у всех обвиняемых, в них практически идентичные формулировки — о том, что он «ненавидит государственный строй».

В Пензе начался суд по делу «Сети»

«Медиазона» кратко пересказывает версию следствия

В армии Пчелинцев служил в 2013–2014 годах. «Доступа к оружию у меня там не было, потому что у меня были другие задачи, из оружия я не стрелял. Там я не получал каких-то навыков боевых или знаний боевых, в основном, чем я так занимался, это строевой подготовкой, общевоинским уставом».

Комментируя изъятие техники, он говорит, что ее нашли в квартире жены, которая «использовалась нами как склад ненужных вещей». II обнаруженных силовиками телефонов валялись там много лет и не включались. «Я копил просто хлам, как все люди делают».

— В квартире нашли три ноутбука, два из них без жестких дисков и со сгоревшими материнскими платами — очевидно, что на них ничего нет, и я их

не использовал как зашифрованные устройства для конспирации. Еще один ноутбук, который не был сгоревшим — когда мы его будем смотреть, я думаю, будет очевидно, что я им не пользовался.

— Вы говорили о музыкальной группе, что это за группа?

— Ну, у меня не одна музыкальная группа, у меня много музыкальных групп. Наверно, было бы неправильно называть названия тех, которые сейчас существуют, у нас и так сейчас очень много закрывают концертов — в том числе, очень известных исполнителей. Я считаю это категорически неправильным подходом.

Одна из самых известных групп, в которой я играл, это «Укус змеи», панк-хардкор, также в стиле битдаун <нрзб>. Было еще, короче, много, мы выступали много где, в том числе были у меня и сольные проекты.

<...>

— А «Джаббером» вы пользовались, таким мессенджером?

— «Джаббер» — это не мессенджер, это протокол, но есть приложение *Xabber*, которое тоже, кстати говоря, не является секретным, им пользуются миллионы людей. Да, я пользовался таким, у меня был никнейм *gutentag@jabber.org*. Этот никнейм я использовал много лет, всего его знают, мне пишут люди, которые хотят организовать концерт — они пишут мне в «Джаббер», он всем доступен.

Пчелинцев рассказывает, что во время предъявления окончательного обвинения следователь Токарев положил перед ним два протокола: один по более тяжкой первой части статьи 205.4 УК (организация террористического сообщества), второй по более легкой части об участии в нем. И сказал, что более легкое обвинение он предъявит, если Пчелинцев признает вину. Тот отказался.

Редактор: Егор Сковорода

«Медиазона» благодарит журналистов «7x7» Екатерину Герасимову и Евгения Малышева за помощь в подготовке материала.

-
1. Организация террористического сообщества и участие в нем
 2. Статья 30 УК предусматривает наказание за подготовку к совершению преступления или покушение на него.
 3. Часть 2 статьи 205.4 УК (участие в террористическом сообществе) предполагает наказание от 5 до 10 лет заключения. Наказание за организацию такого сообщества (часть 1 той же статьи) — от 15 до 20 либо пожизненный срок.